

Цзян Жун резко встрепнулся. В прошлой жизни его сын тоже задавал ему тот же вопрос. Тогда он вместе с сыном и Цзян Цзе спешил из города С на базу «Мир». По пути они встретили множество брошенных машин. Во время пути сын постепенно понял: мухи выются только вокруг трупов, а наличие трупов означало, что здесь когда-то угасла чья-то жизнь.

По мере движения машин с прилипшими мухами становилось всё больше. Цзян Сяохэн за считанные часы прошёл путь от непонимания к страху, а затем к полному равнодушию.

Маленький ребёнок становился всё молчаливее, и, наконец, когда Цзян Жун расчистил путь и двинулся дальше, ребёнок тихо заплакал:

— Папа, они все умерли?

Цзян Жун не хотел отвечать на этот вопрос, но сын уже оказался в жестоком мире, и он должен был показать ему суровую правду жизни:

— Да, их больше нет.

Цзян Сяохэн всхлипнул и тихо спросил:

— А... папа тоже умрёт?

Цзян Жун помолчал, а затем сурово ответил:

— Папа тоже умрёт, но я постараюсь прожить как можно дольше. Я не хочу расставаться с Сяо Хэном и надеюсь быть с тобой ещё очень долго.

Глаза Цзян Сяохэна покраснели:

— Папа, не умирай, ты сильный, ты не умрёшь.

Двадцать с лишним километров в обычных условиях можно было проехать за сорок минут, но Цзян Жун ехал с девяти вечера до двух ночи. На одном из участков дорога была сильно забита, и он долго расчищал путь.

Машина медленно остановилась у входа на заправку «Хуньда», и сердце Цзян Жуна забило быстрее. По пути он беспокоился, что Чу Цян и его семья могли уехать после отправки сообщения, и что он опоздал, и с ними случилось что-то ужасное.

Как только машина остановилась, Лэлэ начал царапать дверь. Цзян Жун открыл дверь, и Лэлэ выпрыгнул из машины. Цзян Жун погладил его по голове:

— Лэлэ, найди машину семьи Чу Цяна.

Лэлэ несколько раз крутился на месте, а затем, виляя хвостом, направился к машинам, припаркованным на краю заправки. Цзян Жун в очках ночного видения последовал за ним, и вскоре Лэлэ остановился у одной из машин и повернул голову к Цзян Жуну.

Увидев состояние машины, сердце Цзян Жуна упало: все шины были спущены, переднее стекло разбито вдребезги, и если бы не знакомый номер на багажнике, Цзян Жун бы не узнал, что это была машина Чу Цяна.

На стекле сидели крупные мухи. Цзян Жун провёл рукой по стеклу, и мухи вместе с пылью упали, открыв небольшой чистый участок стекла.

В очках ночного видения стекло казалось серо-голубым, и Цзян Жун не мог разглядеть его чётко. Его дыхание участилось, и он попытался протереть линзы очков, но рука дрожала, и он несколько раз промахивался.

Когда он уже собирался прижаться к стеклу, крупная муха ударилась в линзу очков. Внезапно увеличенное лицо насекомого в очках ночного видения выглядело ужасающе. Цзян Жун сбился с дыхания, пошатнулся и чуть не упал, но успел схватиться за зеркало заднего вида, чтобы удержаться.

Как бы то ни было, он должен был это сделать. Сделав глубокий вдох, Цзян Жун приблизился к стеклу.

Внутри никого не было!

Цзян Жун с облегчением вздохнул, и уголки его губ напряжённо приподнялись: отсутствие людей в машине было хорошим знаком, по крайней мере, они могли передвигаться.

Заправка находилась рядом с шоссе, и на её территории было брошено двадцать-тридцать машин. Рядом стояло несколько жилых домов, и Цзян Жун подумал, не спрятались ли Чу Цян и его семья в одном из них. Он погладил Лэлэ по голове:

— Лэлэ, можешь учуять запах семьи Чу Цяна?

Лэлэ поднял голову и смотрел на Цзян Жуну с недоумением. Цзян Жун понял, что он просит от собаки слишком много: вокруг стоял ужасный смрад, и чем чувствительнее был нюх Лэлэ, тем больше его это сбивало с толку.

Цзян Жун взглянул на часы: было два часа сорок минут утра, до рассвета оставалось ещё много времени, и у него было время на поиски семьи Чу Цяна. В крайнем случае, он мог обыскать всю заправку, чтобы найти их живыми или...

Как бы то ни было, он должен был найти семью Чу Цяна.

В этот момент резкий звук автомобильного сигнала разнёсся по всей парковке: «Би-би-би, би—би—би—, би-би-би, би—би—би—».

Ритмичные сигналы из трёх длинных и трёх коротких гудков продолжали звучать. Цзян Жун с удивлением посмотрел в сторону и увидел, что Цзян Сяохэн сидит на водительском месте, и его маленькие руки с усилием нажимают на сигнал.

Цзян Жун быстро подошёл к машине:

— Что случилось, сынок? Испугался?

Наверное, он слишком долго искал Чу Цяна, и сын остался один в машине, испугавшись.

Цзян Сяохэн действительно немного испугался, но больше хотел помочь отцу:

— Дядя Чу говорил, что если я попаду в беду и мне понадобится помощь, надо так сигналить или что-то разбивать.

Он сделал паузу, а затем добавил:

— Три длинных, три коротких. Дядя Чу говорил, что если услышит этот звук, то обязательно

придёт спасти меня.

Глаза Цзян Жун вдруг загорелись. Верно, как он мог забыть?

Он был слишком осторожен и забыл, что может использовать автомобильный сигнал, чтобы привлечь внимание окружающих. Сигнал из трёх длинных и трёх коротких гудков — это был сигнал бедствия по радио, который ему рассказал любитель электроники Чу Цян. Как он мог это забыть?

Резкий звук сигнала разнёсся по всей заправке, и несколько датчиков света медленно загорелись в ответ на шум. Ночное небо над заправкой больше не было полностью чёрным.

Цзян Жун забрался на заднюю часть погрузчика и включил тепловизор на очках ночного видения. С высоты он мог видеть дальше, и если поблизости были живые люди или мутировавшие животные, они не смогли бы ускользнуть от тепловизора.

Подождав некоторое время, Цзян Жун действительно увидел живых людей.

Дверь жилого дома у дороги медленно открылась, и несколько человек выглянули наружу. Цзян Жун не мог разглядеть их лица, но, воспользовавшись паузой в сигнале, он громко крикнул:

— Чу Цян! Чу Цян! Цян, ты здесь?

Он кричал несколько раз, но, то ли его голос был слишком тихим, то ли сигнал слишком громким, люди стояли вдалеке, перешёптываясь и не решаясь подойти. В этот момент Цзян Жун пожалел, что не взял с собой громкоговоритель, чтобы повесить его на машину и повторять сигнал по кругу.

Но то, что были люди, уже было хорошо. Цзян Жун мог спросить у них о местонахождении Чу Цяна. Когда он уже собирался подойти к ним, дверь соседнего дома открылась, и из неё вышел высокий пожилой мужчина. Даже без очков ночного видения Цзян Жун смог разглядеть его лицо. Он ускорил шаг:

— Дядюшка Чу!

Дядюшка Чу явно пережил не лучшие времена. Утончённый старец был небрит, его одежда была грязной, а глаза покраснели. Когда он разглядел лицо Цзян Жун, растерянность и недоумение в его глазах сменились недоверием, а затем огромной радостью. Его тело задрожало, и, сделав два шага вперёд, он наконец произнёс хриплым голосом:

— Сяо Жун? Это ты, Сяо Жун?

Цзян Жун быстро подошёл:

— Да, это я, дядюшка. Я пришёл забрать вас домой.

Не успел Цзян Жун протянуть руку, как Цзян Сяохэн уже обогнал его сзади. Его маленькие ножки бежали быстро, и с звуком «топ-топ-топ» Цзян Сяохэн с радостью бросился в объятия дядюшки Чу:

— Дедушка! Я так по тебе скучал!

Дядюшка Чу протянул руки и обнял хрупкое тело ребёнка. Он присел и прижался лицом к

плечу Цзян Сяохэна:

— Дед... дедушка тоже скучал. Малыш, как вы там? Всё ли у вас хорошо?

Его голос уже дрожал.

Цзян Жун огляделся, но не увидел Чу Цяна и тётушку Чу:

— Дядюшка, а где тётушка и Цян?

Дядюшка Чу отвернулся и вытер слёзы тыльной стороной ладони, а затем поднял Цзян Сяохэна:

— Цян внутри. Пойдём за мной.

Цзян Жун сделал пару шагов в сторону дядюшки Чу, но вдруг вспомнил о чём-то и остановился:

— Дядюшка, подождите немного.

Через несколько дней после Великого Кризиса общественный порядок полностью рухнул, и некоторые люди были готовы на всё ради выживания. У Цзян Жуна не было злых намерений, но он и не хотел стать жертвой. Он вернулся к машине, взял из багажника аптечку и рюкзак. Закрыв машину и погрузчик, он бросил рядом несколько семян.

Это были семена дикого терновника, которые он собрал в горах. Мутировавшие семья при встрече со способностью элемента дерева быстро проросли и вскоре полностью окружили обе машины. На ветках терновника были острые шипы, и если кто-то случайно коснётся их, то точно пожалеет.

<http://bllate.org/book/16638/1524403>